

УДК 322

О политике, праве и религии (антропоцентризм в теории и практике)

Часть 1

В. И. Шамшурин

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва

В статье в контексте философско-политического дискурса рассматривается проблема человека в политике и праве. На базе анализа макрометодологических подходов рассматриваются квазитории в области политической практики. Концепты религиозно-обусловленного антропоцентризма в философии политики и права выдвигаются в качестве базисного целеполагания в процессах структуризации социального пространства.

Ключевые слова: философия политики, философия права, религиозные основы антропоцентризма, идеал-абстракционизм, идеал-реализм, постмодерн, неоклассицизм.

Проблема человека в политике и праве имеет особую важность. Именно здесь, как нигде, она имеет «вечное начало» (императивно-аподиктический, облигаторный статус), т. е. религиозно осмысленный характер. Другими словами – концептуальна, поскольку «концепция», по-русски, собственно, и означает «зачин», «зачатие». Поэтому человек имеет статус в виде сохраняемой идентичности, «концептуализируется» только в том случае, если укоренен в вечности как абсолютная, непререкаемая, неотчуждаемая и неотъемлемая ценность. Последняя имеет смысл, если явлен эталон «вечного человека». Хотя бы в силу того, что человек здесь не только «мера всех вещей», но и точка отсчета, и средство исполнения; а главное – цель любой инициативы и практического действия. Образ и образец. И любой разрыв между теорией и прагматикой, целеполаганием, практической рациональностью и механизмами осуществления и первого и второго (точнее, приоритетность одного из моментов активности за счет других в ущерб «целокупности» как системности, универсализма и целостности) чреват не просто печальными, но губительными последствиями. Особо остро этот вопрос, как известно, был поставлен еще в IV в. в Никео-Цареградском символе веры кападокийской четверкой (Св. Василий Великий, Св. Григорий Назианзин-Богослов, Афанасий Александрийский, Св. Григорий Нисский).

Выделим два возможных типа антропоцентризма в философии политики и права. Оба имеют дело с определенным пониманием идеала как некоего стандарта или, как сказал бы юрист, – «нормы императивного характера». Действительно, что еще, кроме идеалов-стандартов, может изучать человек, изучая, в том числе, и себя? Однако один подход, лучше всего проявленный у

Канта и Гегеля, назовем «идеал-абстракционизмом». Другой, свойственный новоникеям и А. С. Хомякову (которого, по какому-то недоразумению, иногда называют «гегельянцем»), – «идеал-реализмом». Первый понимает под человеком одно из его свойств – способность к разумно-рассудительному познанию. Более того, полагая только такое познание наисовершеннейшим, господствующим началом (даже хотя бы и харизматическим, вслед за М. Вебером, господством!) наделяет это свойство ума самостоятельным статусом Абсолюта, который и выше всего, как независимый от всего и который, проще говоря, и есть Абсолют в виде все Просвещающего Разума или Идеи. На этой установке сначала Канта, а затем Гегеля и был основан просветительский проект французской революции и последовавшая затем эпоха Просвещения вообще. Естественно, что здесь вопрос ставится в плоскости предпочтения разного рода господств, или борений-столкновений, за абсолютное господство. Тех же понятий друг над другом. Собственно, в таком ключе диалектического отрицания, когда, чтобы что-то утвердить, надо уничтожить; да не один раз, а два раза, так сказать, с контрольным выстрелом и наверняка... и понимается политика, государство. Изучают: кто, как и с кем борется за «право сеньора» по отношению к приобщенности к самой совершенной «разумно-рассудительной достаточности» в виде Абсолютного Духа. А критерий обладания таким духом тут, естественно, – успех победителя в схватке по сугубо экономическим или меркантильно политическим показателям исключительно «мира сего». Опять же в виде «харизматического господства» как определенного феноменально-выдающегося качества. Например, промышленно-финансового процветания в протестантизме. Или в виде военно-административных успехов наисовершеннейшего государства. Той же Пруссии или того же Наполеона, в которых, согласно Гегелю, как в «аватарах», светится Абсолютная идея. Или, в виде наличия и тех, и других показателей у того или иного класса-гегемона (для этого постоянно вырабатываются рейтинги, само внимание к которым весьма показательно), партии, страны, организации, идеального типа культуры, цивилизации или вождя-политика. Не исключен, впрочем, и «неформальный лидер» в виде того или иного «властителя дум», который чаще всего рекрутируется «протестантским» самоназначением в виде сакрально-революционного действия. А проще говоря – самозавлада власти, самозванства, узурпаторства, именно протеста, протестного поведения. Которое, повторим, наделяется функцией созидания, что очень спорно и можно понять только как изначально принятое именно априорное (говоря языком Канта) утверждение. В конечном счете – тоже принятое религиозно, т. е. на веру. Но это уже манихейская, гностическая, докетическая, арианско-несторианская религиозность, в которой творит не Творец, а разрушитель и первенствует не Жизнь, а Смерть. И нужно отдавать себе отчет, какие предпосылки, презумпции берутся в теории или в теориях в самом начале теоретизирования, чтобы не сетовать и тем более не недоумевать при получении тех или иных последствий в политике. Повторяю, господство, победа здесь – и высшая легальность, и абсолютная легитимность. Политика, государство здесь борьба, столкновение, конкуренция людей, интересов, идей, теорий, государств, классов, из которых как-то так диалектически про-

истекает единство общего интереса, класса, государства и т. д. Но какого? Победившего, вытеснившего, уничтожившего, а потому и господствующего, подтвердившего свое Абсолютное Господство! Как сказал один из последователей Гегеля, назвав, впрочем, Абсолютный Дух «Призраком», но при этом выразив суть учения учителя: «Призрак бродит по Европе». Очень характерное высказывание! Именно по Европе, по Западу и нигде более! Сейчас бы сказали в стиле либерального оксиденциализма – по странам «золотого миллиарда». В отличие от «стран-изгоев». В этом случае, повторяем, нужно изучать явленное через экономические законы осуществленного успеха именно «брожение» Абсолютного духа-Призрака. Как он бродит по странам, континентам, классам, сверхчеловекам, учениям, научным школам, головам чиновников и т. д., и т. п. А главное – по политическим элитам. И неважно, рассматриваются они с бюрократически-аристократических, номенклатурных или эгалитарно-популистских позиций. Здесь важно именно следующее: главное для такой позиции – выдвинуть определенную гипотетико-дедуктивную модель социально-политического поведения именно как абстрактно-созерцательное начало. А затем, в процессе верификации, так сказать, на основе «побед» рассмотреть – работает (побеждает) она или нет.

Важно подчеркнуть и следующее. При таком подходе не надо изучать факты, события, обычаи, договоры, обязательства, типы ответственности, улики как материальные и, так сказать, формальные источники политики и права (говоря языком правоведов). Они-то как раз могут быть, и чаще всего бывают, свидетельствами невежества, темноты, как непросвещенности Абсолютным Духом, или единственно верным и всепобеждающим учением, которое, естественно, может быть адекватно выражено только той или иной страной, классом, партией-предводительницей прогрессивного человечества или «золотого миллиарда». Ведомым только победителю-господину, как великому Просветителю того или иного косного начала – «стран изгоев». В виде, так сказать, вождя всех времен и народов. Все бы ничего, но в безначально-безбожной, как непроясненной с точки зрения связи с Единым в такой системе координат без самоназначения и самозванства, т. е. узурпаторства и в политике, и в смыслообразовании – во всем, что касается носителей Абсолютной идеи, не обойтись. Отсюда – все сложности, издержки, затраты и жертвы. Очень удобный, точнее, соблазнительный и искушающий многими прелестями подход. Особенно удобен он для любого узурпатора, любителя захватить и пограбить. Сейчас все чаще и чаще мы видим, что жизнь опровергает такие соблазны-прелести как чужеродное для нее теоретизирование-объяснение с помощью, к сожалению или к счастью, неуспеха тех теорий, которые призваны быть вроде бы адекватными жизни. Это видно на примере кризисных процессов, происходящих, кстати, не только в экономике начала XXI в., но и в политике, культуре. Это видно и на примере адептов либерально-рыночного, конкурентно-демократического проекта Просвещения, ведущегося только сверху – от той или иной абсолютно-абстрактной и совершенной теории – идеи, сосредоточенной в руках того или иного единственно «правильного» государства, обладающего «правильной» культурой и «правильным» языком. Все больше и больше приверженцев, да еще и из числа глав-

ных, вслед за Фукуямой ставя под сомнение свои предыдущие взгляды, говорят о том, что либерально-демократический проект потерпел крах по всем направлениям. Великие ценности гуманизма Просвещения в их осуществлении в виде общества «всеобщего потребления и благоденствия» слишком дорого обходятся человечеству и особенно той его части, в которой не так уж и много потребляют и благоденствуют... А некоторые даже и публично каются перед госструктурами в том, что они излишне верили «невидимой руке рынка». Впрочем, от этого мало что меняется. Видимо, постольку, поскольку меры, принимаемые для преодоления кризиса – «монетарно-спекулятивного» по сути, носят пока что преимущественно именно «монетарно-спекулятивный», именно созерцательно-отвлеченный, именно либерально-просветительский характер.

Однако есть и другой – консервативный подход. Это, как сказано, «идеал-реализм». Здесь вообще нет проигравших и победителей, так как ставится под сомнение основополагающий, доходящий даже до религиозного, постулат о допустимости, ценности схватки, драки, столкновений-конфликтов, конкуренции-борьбы как некоего «локомотива» истории или экономики. Здесь изначально как ценность утверждается величие и преобладание того, что в первую очередь «должно искать мира и согласия». Другими словами, как говорят юристы, надо заниматься публично-правовым согласованием интересов. Политологи говорят о первенстве консенсологии перед конфликтологией. Точнее – полемологией. И тогда политика – это именно публично-правовое, ведущееся постоянно, согласование интересов и ни в коем случае – не игра с неопределенным результатом, так как неопределенный результат и есть кризис, который человечество уже не может себе позволить, так как может уже и не пережить.

Здесь подразумевается постоянно ведущаяся и довольно обыденная, без эффектных революционно-модернизационно-реформационно-политических «силовых фейерверков», работа в виде мониторинга, управления и контроля над осуществлением последствий управления даже и в виде постоянных коррекций на основе стандартов-эталонов, прошедших проверку в триллионах повтора опыта событий, прецедентов, обычаев, законов, составляющих наличие человеческой культуры. Причем на поверку – базовых в своем нравственном единстве по своим конструктивно-позитивным, ценностным началам – как это видно на примере всех мировых религий. Работа эта довольно прозаическая, скучная и рутинная, зачастую – весьма неблагодарная. В своей увлекательности, а, главное, зрелищности, несомненно, уступающая всякого рода фехтовальным поединкам и единоборствам. Но нарушение этих стандартов-норм как раз и ведет к антинорме, к антиэталону – к «войне всех против всех». Последняя установка имеет не созидующее, а разлагающее значение и направлена не на устройство и прогностику, а, скорее, на констатацию последней стадии губительного состояния политико-правовых, экономических и культурных начал и образований в виде кризиса.

В «идеал-реализме» в отличие от «идеал-абстракционизма» нет господ и рабов. Победителей и проигравших. Господствующих и униженных. Есть иерархия объемов квалификаций-компетенций и связанных с ними зон ответ-

ственности в виде прав и обязанностей. Политика здесь – не гонка на выживание, а совместное служение-сотрудничество, обязанность жить в свободе по закону любви (как говорил Хомяков). И в этом – высшее право человека, неотчуждаемое и неотъемлемое у него никем и ничем. Потому что сила может быть в слабости, и оказаться немощью. А слабость – в высшем проявлении силы, когда можно приобрести все, господствовать во всем, но это не будет иметь никакого значения. Так как будет утрачена некоторая ценность, казалось бы, неочевидная и неосязаемая телесно. Например, в расчет принимаются не только плоть, но и душа. И даже Дух. Здесь речь тоже идет о взаимодействии; но не как о схватке, а в виде сообщения, созвучия (симфонии), встречи (сретения). В виде равноправного (не на поражение!) и органичного взаимодействия-собрания (а не в виде механического расталкивания друг друга плечами в толпе-социуме). Но как учет и почтение. И в этом смысле собрание самых разных, но в то же время ограничивающих друг друга ценностью и жизнью друг друга, участников в виде физических и юридических лиц (именно лиц, прежде всего, а не индивидов или персон!). Когда права одного лица заканчиваются там, где начинаются права другого (говоря, опять-таки, языком юристов). Хомяков говорит об этих сюжетах, применяя понятие «соборность». Применяя к сосуществованию любых, как не нарушающих друг друга в достоинстве, существовании, собственности, идентичности, лиц. Как к целостному строю таких возможностей и экзистенций и человека, и человеческих сообществ, и, в результате, человечества в целом. Не только реалий и реализаций рассудочного ума. Но и равноправных уму в случае нанесения вреда и ущерба – в воле, в эмоции, в поведении, в интуиции. Не только в виде главенства земного успеха. Но и в виде неотъемлемости неотмирной ценности. Не только богатства, но и нищеты, так как в разных системах координат – культурных, исторических, этнических, этических, меонических и даже цивилизационных нищета может быть богатством, а богатство – нищетой. А чужой успех – вовсе не угроза для твоего существования. И вовсе не надо убивать другого, чтобы выжить самому, хотя бы потому, что это самый прямой путь к самоуничтожению.

Сейчас же в самых разных дискуссиях о глобализации, однополярности, многополярности очень часто можно встретить призывы к тому, чтобы в той или иной степени вернуть обучение, изучение и даже применение политики и права в духе антропологии «Философии права» Гегеля. Следует недвусмысленно и в духе не только Хомякова, но и не менее прозорливых Х. Арндт и К. Поппера понять: с гегельянством не только в философии политики и права, но и, прежде всего в политике и праве, пора кончать. Не отменяя, впрочем (да не будет!), его историко-философского и даже эпистемологического значения. Это было бы совершенно не по-соборному. И уж совершенно не корректно с «симфонической точки зрения».

Особенно здесь показательна римская традиция, концепция III Римов в особом ее понимании «цивилистики»: как социального, ориентированного на гражданское общество, цивильного и в этом смысле цивилизованного как именно «милостивого» к гражданам в своей политике государства, учитывающего и прорчитывающего максимально возможные и даже невозможные

в богатстве сочетаний интересы и отношения, не ущемляющие и не приносящие ущерба, а, говоря словами В. Парето, компенсирующие друг друга в случае успеха, возмещающие потери друг другу. В этом случае корректируется (что в последнее время в связи с кризисными явлениями начала XXI в. и происходит и в теории, и на практике) само понятие блага или благосостояния – и в философии, и в политике, и в экономике, и в социуме. Кстати, особенно в экономике, для одновременного определения эффективности распределения ресурсов и связанного с ним распределения доходов в обществе. Речь идет обо все более усиливающемся интересе к общественному благосостоянию, но не как к роевому, коллективно-безличному, а системно-многомерному определению любого отдельного явления. В отличие, повторяю, от методологического индивидуализма, присущего ранее обозначенному «идеал-абстракционизму» теорий в духе Гегеля. Теперь же речь идет о том, что полезность частных начал не понимается абстрактно-созерцательно, как нечто самодовлеющее и самоценное. Полезность отдельных, скажем, людей, групп, страт и т. д. дополняется еще и их многомерным созвучием-взаимодействием, т. е. рассматривается симфонически. Говоря современным языком – агрегируется в функцию общественного благосостояния, которая, с одной стороны, учитывает благополучие индивидов в терминах оптимальности; а, с другой стороны, включает в качестве параметров распределение доходов и благ между индивидами и принципы равенства. И уж во всяком случае в теории и на практике исключаются «лишние люди» – герои или классы в виде тех или иных только «эксплуататоров» или только «лузеров» в духе марксизма или социал-дарвинизма. В любом случае становится наконец-то все более и более очевидным взаимодополнительность, а не взаимоисключение двух типов теоретизирования. Скажем так, позитивной теории, которая рассматривает «размер пирога» (эффективность, в том числе и политическую, и экономическую чего бы то ни было). И нормативной теории, которая связана с социально-юридическим дележом уже существующего пирога, и речь здесь идет о распределении доходов и вменении невиновной или виновной ответственности. При этом в многомерный подход входит, а, точнее, его наличие определяется философской аксиоматикой – предварением в виде системного, универсального и целостного видения; и религиозно-этической аксиологией – утверждением абсолютной самоценности отдельного в его частности и взаимодействия частей, как взаимодополнения. Вот тогда изучаются не только, скажем, доходы и убытки, но и компенсации, а любой критерий в качестве показателя эффективности рассматривается в тех и только в тех случаях, когда в новой ситуации индивиды, которые получили дополнительные выгоды, способны компенсировать проигравшим их потери и при этом остаться в выигрыше по сравнению с первоначальной ситуацией. Это и есть то, что сейчас называется критериями Вильфредо Парето (1848–1923) и Николаса Калдора (1908–1986) – Джона Хикса (1904–1989). Критериями, имеющими, на мой взгляд, не только социально-политические и экономические, но и религиозно-философские коннотации и в теории, и на практике. Собственно говоря, традиция согласия как омонийи – единомыслия, фронециса/пруденции – всестороннего размышления, и, наконец, симфонии/ консон-

нанции как созвучия непохожих, как право не только быть другим, но и как обязанность сохранять другое. Сохранять, но как? Ни в коем случае не в теплично-летаргическом состоянии поддержания-заморозки только одного хотя бы и сколь угодно совершенного качества – прошлого, настоящего или будущего, но в состоянии баланса и гармонии качеств ни в коем случае не исключающих, а подпитывающих друг друга. И в своих совершенствах. И даже в своих несовершенствах. Не будем забывать происхождение самого термина «консерватизм». По крайней мере, в его истинном значении смысл проистекает от имени бога Конса (Consus) – в древнеримской мифологии ответственного за выращенный и сохраненный под последующий посев урожай, как начало, ответственное за воспроизводство, как постоянное рождение в виде неизменно возобновляющегося процесса творчества благ-ценностей на определенной почве (культуре). «Либер» (у греков – Вакх (Бахус) Дионис) – бог уже собранного, полученного и потребляемого урожая, безотносительно к тем трудам, которые связаны и с его получением, и его сохранением. Отсюда и упор на безудержной радости-празднике потребления, упор на гедонизме и правах, а не на трудах и обязанностях. Но это – что касается внешнего мира и его облагораживания. Не менее, точнее, более важно помнить о внутреннем мире как тоже процессе постоянного триипостасного облагораживания-благородства определенных ценностей и тоже на определенной почве как культуре. Здесь консерватизм, в отличие от либерализма смотрит на проблему не только с позиций феноменальности и консюмеризма, но гораздо глубже и системнее, обращая внимание не только на результаты, но и предпосылки и последствия. Поэтому Конс у римлян отвечал еще и за понимание, поскольку обращение к нему делало человека, начиная уже с детского возраста, понятливым, знающим, осведомленным (consciūs). Отсюда, собственно говоря, и проистекает способность считаться с понятиями и мыслями другого как согласие и единомыслие (consensus). Известно, что любое явление у римлян могло быть рассмотрено как с точки зрения движения в сторону вечности (consecratio – провозглашение нерушимости или передача во власть вечности), так и приземленно (profanatio – непосвященное, непросвещенное состояние как неосведомленное о вечном и потому в дальнейшем не только неуспешное, но и губительное; а потому кощунственное). При этом одно неотделимо от другого. Здесь и предвосхищение, и выражение триипостасного единства прошлого, настоящего и будущего в причинах, последствиях и взаимодействиях: и в режиме эксперимента, и в режиме вечности. Да еще и с позиции совершенствования – сотрудничества. Или, если угодно, апокатастасиса/синергии (вечное стремление к вечности как вечному совершенству /сотрудничеству земных и вечных начал). А если говорить об историко-культурной и политической составляющей, то именно через имя Конса проявится и продолжится традиция (Ромул, как известно, провозгласил основание своего Рима перед сабинянами празднествами в честь именно все того же Конса; правда, сделал это довольно неуклюже – с точки зрения той же вечности-Конса, чем, быть может, и погубил свой Рим) внимания к вечности как внимания вечности в лице императора Константина в дальнейшем, основавшим столицу христианской державы. Так или иначе, но в любом своем каче-

стве история дает нам урок – изменчивость неерушима и постоянна, пока помнит о своей связи и причастности к питающему ее постоянству, т. е. учитывает ее (вечности) требования-стандарты, которая в свою очередь предостерегает человека от излишней суетности и многозаботливости, отвлеченности от главного в пользу несоизмеримо второстепенного, как пустой траты сил и неуспеха, так как «знает его (человека) нужды». Любой отказ и пресечение связей с началами вечности (по каким бы то ни было соображениям – культурно-мировоззренческим или конъюнктурно-политическим; а чаще – и по тем и по другим в их смешении, от чего и происходят смуты) приводит к краху любое, на первый взгляд, сколь угодно благополучное культурное или политическое образование. Ибо, повторим, сказано: «Сила творится в немощи», т. е. через слабость. При этом приоритеты таковы, что именно «Дух бодр, а плоть немощна». Постараемся, насколько можем, помнить об этих призывах, явленных как в прошлом, так и в настоящем. И в культуре, и в политике. И именно в неразрывном единстве высокой теории о «возвышенном и прекрасном» с практикой «хлеба насущного». Так или иначе, но речь идет о том, что А. С. Хомяков называл «союзом в свободе по закону любви». И, конечно же, речь идет о союзе «неслиянном, нераздельном, неизменном и неразлучном».

On Politics, Law and Religion (Anthropocentrism in Theory and Practice) Part I

V. I. Shamshurin

Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University (MSU), Moscow

The article considers the problem of a human in politics and law in the context of a political discourse. Basing on the analysis of macromethodological approaches, the article examines quasi theories in the area of political practice. The concepts of religiously conditioned anthropocentrism in philosophy of politics and law are considered to be the basic targeting in structurization processes of a social field.

Key words: philosophy of politics, philosophy of law, religious grounds of anthropocentrism, ideal-abstractionism, ideal-realism, Postmodern, Neoclassicism.

Шамшури́н Виктор Иванович – доктор социологических наук, профессор кафедры философии политики и права философского ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова, зав. кафедрой социально-политических наук МФТИ, e-mail: shamshuriny2@mail.ru

Shamshurin Viktor Ivonovich – Doctor of Social Science, Professor, the Department of Politics and Law, the Lomonosov Moscow State University, Head of the Department of Social-Political Science of MFTI, e-mail: shamshuriny2@mail.ru